

Великий русский язык

Великие русские писатели, пристально изучая русский язык, решившие оберегать и смею обогащая его, не устали восхищаться его мощью и меткостью, глубокостью и многогранностью... Перечитывать эти высказывания — значит услышать суждения о языке его глубочайших знатоков, постоянно размышлявших о возможностях, которые дает русский язык русской художественной литературы!

«...Русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах...», — говорил Пушкин.

«...Где нужно — нежный, трогательный, где нужно — строгий, серьезный, где нужно — страстный, где нужно — бойкий и живой», — говорил Лев Толстой.

«Язык наш обладает богатейшей образностью и глубокостью», — неустанно повторял Горький.

Это лишь малая часть из множества высказываний наших классиков о языке. И в этой части видно, чему не предстают радовать русские писатели: широте возможностей, щедрости словеса, глубокости грамматики, словом, богатству русского языка, богатству огромному, неизмеримому!

Размышлять над этим богатством, изучать его и, главное, уметь пользоваться им — счастливое право и неприменимый долг наших прозаиков, поэтов, критиков.

Бесконечно многообразны языковые средства, которые позволяют выразить самые тонкие и самые сложные оттенки мысли. Шедро сплошном в русском языке — лишь одно из проявлений этого многообразия.

Сколько способов выражения каждого понятия, могущих сообщить тексту иную окраску, иную тональность, подсказывают живое знание и любовное изучение языка, который, по словам Пушкина, так же «источником в соображении слов», как разум человеческий «источником в соображениях понятий»!

Но как часто мы еще доводствуем первым пришедшем на ум словом... А ведь без долгих и трудных поисков нет настоящего писательского труда. Недаром В. Беллинский требовал такой точности выражения, «чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его».

Заведомо обеляет свое произведение писатель, не изучающий живую народную речь, довольствующийся одним только книжным знанием языка. Все великие мастера слова, от Пушкина до Горького, не только постоянно напоминают о том, что народные поговорки, пословицы, песни — источник, из которого должна черпать литература, но и сами неизменно к нему обращаются. «...что за посоки, что за смех, какой толк в каждой поговорке нашей? Что за золото!», — говорил Пушкин и выпытывал для памяти одну за другой старинные пословицы и поговорки: «Не суйся серебра прежде четвергов», «Горе лькум, попыгайся!», «На послуге, как на студне», «Беспречальным сон сладок» и множество других, давая им только ложный путь, но и портят вкус читателей.

Но не менее ошибаются и те, которые полагают своеобразие стиля в усложнении и нарочитой оригинальности признаков.

Ог Пушкина, высмеивавшего высокородный стиль, когда вместо «дружбы» писатели говорят: «Сие свидетельство чувства, кое благородный пламене...», до Горького, настойчиво указывавшего молодым писателям: «Простота и ясность стиля достигается не путем снижения литературного качества, а в результате подлинного мастерства» — во всей классической русской литературе звучит требование простоты и ясности стиля.

Работы о языке нашей литературы уже начали появляться в журналах. Можно отметить статьи В. Салникова в журнале «Знамя», Е. Суркова в журнале «Новый мир» и некоторые другие. Тем не менее в рецензиях, которые публикуются на страницах тех же журналов, редко можно встретить вдумчивый анализ языка. Но может ли критик, не умеющий анализировать язык художественного произведения, вообще считаться критиком?

Чтобы оценить язык книги, нужно не выхватывать отдельные удач и неудач, сопровождая их более или менее субъективными комментариями, а образом прослеживать соотношение стиля произведения к его содержанию, так, как это делал Пушкин, разбирая «Парвусский водопад» Вяземского, как это делал Белинский, разбирая «Песнь про купца Калашникова» Лермонтова...

Чтобы оценить язык писателя, критик должен сам чувствовать и знать его, знать не эстетические, должен сам обладать творческим умением образно мыслить и образно говорить о языке. Научный анализ литературного языка необходим, но никакой анализа не выходит из наших воображения той вдохновенной картины пушкинского стиля, которую называет кистью художника Белинского.

Безграничны и неисчерпаемы богатства нашего языка! Изучать, боречь и приумножать их — для каждого литератора: прозаика и поэта, драматурга и очеркиста, литературоведа критика!

ПРАЗДНОВАНИЕ ЮБИЛЕЯ П. Г. ТЫЧИНЫ

КИЕВ. (Наш корр.). 27 января общественность столицы Украины чествовала выдающегося певца украинского народа Павла Тычину. В Большом зале Украинской филармонии состоялся большой юбилейный концерт, посвященный 60-летию Тычине.

Совет Министров Украинской ССР, Центральный Комитет КП(б)У Украины. На вечере была оглашена приветственная телеграмма от Союза советских писателей Украины.

Затем от имени Союза советских писателей Украины выступил Александр Борщук. Он говорил о Павле Григорьевиче, как об одном из зачинателей украинской советской литературы, как об учителе последующих поколений литераторов, о неиз不可缺少ющей молодости поэтического дара Тычини.

На имя П. Г. Тычине поступило свыше семисот приветственных телеграмм, стихотворений, писем, адресов из городов и сел Украины, братских республик Советского Союза, а также из стран народной демократии.

На юбилейном вечере был оглашен указ Президиума Верховного Совета ССР о награждении Павла Григорьевича Тычины орденом Ленина. Микола Бажан зачитал приветствие юбиляру от Совета Министров Украинской ССР и Центрального Комитета КП(б)У Украины:

«Тов. Тычине П. Г. Городской Павел Григорьевич! Совет Министров Украинской ССР и ЦК КП(б)У Украины сердечно приветствует Вас в день Вашего 60-летия со дня рождения и 40-летия литературной деятельности и с награждением Вас высокой правительственный наградой — орденом Ленина.

Значительный вклад внесли Вы в советскую литературу.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 12 (2730)

Вторник, 30 января 1951 г.

Цена 40 коп.

Николай ТИХОНОВ

МЕЧТАЮЩИЕ ТРУПЫ

«...Крест на могиле зашатался и тихо поднялся из нее высокими мертвцами...»

Н. В. Гоголь

Высокий, худой, с выцветшими, свинцовыми щеками, с прусской прической и военной вышивкой, мрачный господин остановился перед портре, который приветствовал его: «Доброе утро, господин Шретке, для вас естьписьмо». Он склонил голову ледяным взором. Тогда он сказал хриплым голосом: «Я хочу, чтобы меня называли господином Шретке!»

Господин Шретке возмущал. Он мог бы скомандовать этому жалкому портре, какunter-officeru, потому что в мечтах Шретке умел командовать по меньшей мере батальоном, а в кармане у него лежало письмо самого генерала Шнейделя. Дело происходило во Франкфурте-на-Майне. А кто такой Шнейдлер? — спросите вы. О, с ним и с генералом Хойзингером совсем недавно вели весьма секретный разговор такие господа, как американский верховный комиссар в Западной Германии Максимилиан и военный министр США Пейс. Совершенно секретно беседовали они, но уже весь мир знает, что они уточняли вопросы ремилитаризации Западной Германии, установливали точно, какие боевые соединения войдут в западногерманскую армию немецких наемников, призванных служить американскому «фюреру».

Услыхав эти новые вести, возмущались не только пыльные офицеры бывшего рейха, не только эсэсовские молодчики; приятно заснул и высокий секретарь разговор таких исторических музей, как Манштейн, Рундштедт, Гудериан. Правда, они, когда Гудериан хотел пообедать в Москве, Манштейн пытался позавтракать в Баку, а Рундштедт — даже в Ленинграде, поросли хмом не очень приятных воспоминаний; но тем не менее и эти генералы начали перебирать ногами, как старые кони при звуке эскадронной трубы.

И хотя Манштейн сидит в комфортабельном заключении, которое, по мнению американцев, на дых должно кончиться, и хотя Рундштедт носит штатское плащ-накидку, полагающиеся им званиям, все же они несут приятных воспоминаний; на тем не менее и эти генералы наложили на себя портре, как старые кони при звуке эскадронной трубы.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фармацевтических товаров.

Все дело, однако, в том, что и тогда американский «лямочка» всем им поддавался сверхурочному заработка. Торту в «работе времени» винтили или касторкой, эти люди «сверхурочно» занимались тем, что организовывали мечты о реванристской войне и даже недавно разрабатывали планы этой войны, — правда, пока это разумеется, было не так. Шнейдлер числился сотрудником исторического факультета Люблинского университета, Рундштедт — директором фирмы в Нейссе, Гудериан — горгавий скобами, болтами, винтиками и якорями, а Шнейдлер был просто коммивояжером по продаже фарма

60-летие И. Г. Эренбурга

27 января в Центральном доме литераторов состоялся вечер, посвященный шестидесятилетию с днем рождения Ильи Григорьевича Эренбурга. Писатели и журналисты, художники и режиссеры, студенты, друзья и читатели Эренбурга приветствовали писателя, выражая ему благодарность, пожелав долгих лет здоровья, новых творческих успехов.

На сцене — книги Ильи Эренбурга: сборник его плененной публистики военных лет, романы «Падение Парика» и «Фурь», переведенные на многие языки мира; Афины и Пакистаны на выступлениях И. Эренбурга на немецком, французском, чешском, польском и других языках.

Выставка развивает стены зала, показывает, как огромна аудитория, в которой все эти годы был обращен страшный голос Эренбурга — романиста, поэта, публициста Эренбурга — борца за мир.

Вечер открыл генеральный секретарь Союза советских писателей Александр Фадеев. Он произнес приветствие от президиума Союза советских писателей.

Со вступительным словом, характеризующим большой, трудный и яркий путь художника, выступил Константин Федин.

После этого с теплыми приветствиями в адрес писателя выступили представители редакции газеты «Красная звезда», Гослитиздата, издательства «Советский писатель», Воениздата, Антифашистского комитета советских женщин, Литературного института, журнала «Знамя», Театрального училища имени Пушкина, Всероссийского театрального общества. От имени моряков Эренбурга горячо приветствовал Д. Кориненко. Дружеские, сердечные слова сказал китайский поэт Эми Сю, выразив в них чувства китайских писателей китайским читателям Эренбурга. Д. Заславский прочел дружеское поздравление редакционной коллегии и коллектива редакции «Правды». Стихи, посвященные И. Эренбургу, прочитал А. Безыменский. В этих приветствиях были раскрыты различные стороны многогранной творческой и общественной деятельности И. Эренбурга. В них говорилось о том, что и его разные памфлеты, написанные в дни войны и в дни мира, и его романы — плод работы многих лет — одинаково злободневны, одинаково принаследствуют большому искусству.

Николай Тихонов от имени Советского комитета защиты мира обратился с приветствием к Эренбургу как к одному из самых выдающихся, заслуженных и стойких борцов за мир во всем мире.

А вслед за этим была оглашена телеграмма, полученная из Парижа: «Дорогой друг! Секретариат Всемирного Совета Мира шлет Вам свои племянные пожелания в связи с Вашим шестидесятилетием. Выдающийся человек своей страны, крупный писатель на службе у справедливейшего из народов, Вы своей страстью борьбы и стойкостью в западе мира спасли человечество от гибели. Вы свойствуете различные стороны жизни и общественной деятельности И. Эренбурга. В них говорилось о том, что и его разные памфлеты, написанные в дни войны и в дни мира, и его романы — плод работы многих лет — одинаково злободневны, одинаково принаследствуют большому искусству.

Среди приветствий, оглашенных на вечере, — телеграммы писательских организаций Украины, Белоруссии, Таджикистана, Армении, Латвии, Молдавии, Банкокии, Чувашии, Сибири, других союзных и автономных республик, краев, областей, телеграммы редакций журналов и газет, а также многочисленные личные телеграммы друзей по перу, в том числе телеграмма Павла Тычинина, шестидесятилетие которого отмечалось в тот же день в Киссе.

Аппликации встречи зал телеграмму, присланную от имени коллектива московского завода «Компрессор»: «Большинство завода «Компрессор» поздравляет Вас в день Вашего шестидесятилетия и желает Вам личного здоровья, долгих лет жизни, успехов в литературной и общественной деятельности и в борьбе за мир. Заводы, библиотеки, читатели».

Такими же горячими симпатиями сопровождались была встреча и телеграмма, посланная коллективом пражского завода «Тесла»: «Желаем всего наилучшего ко дню Вашего рождения и завернем Вас, что в борьбе за мир во всем мире стоим плечо к плечу со всем советским народом».

Любовью и большим уважением к писателю проникнуты поздравления общественных деятелей и писателей Чехословакской народной республики: Владимира Кононенко, Зденека Новотны, Зденека Фирлингера, Яна Дрда, Михаила Хорваты, Марии

Майеровой, Яна Мукаржинского, Витезслава Незвала и др.; от Союза белгардских писателей, Союза венгерских писателей, Союза польских писателей, Союза писателей Румынской народной республики, студентов — друзей и читателей Эренбурга приветствовали писателя, выражая ему благодарность, пожелав долгих лет здоровья, новых творческих успехов.

На сцене — книги Ильи Эренбурга: сборник его плененной публистики военных лет, романы «Падение Парика» и «Фурь», переведенные на многие языки мира; Афины и Пакистаны на выступлениях И. Эренбурга на немецком, французском, чешском, польском и других языках.

Выставка развивает стены зала, показывает, как огромна аудитория, в которой все эти годы был обращен страшный голос Эренбурга — романиста, поэта, публициста Эренбурга — борца за мир.

Вечер открыл генеральный секретарь Союза советских писателей Александр Фадеев. Он произнес приветствие от президиума Союза советских писателей.

Со вступительным словом, характеризующим большой, трудный и яркий путь художника, выступил Константин Федин.

После этого с теплыми приветствиями в адрес писателя выступили представители редакции газеты «Красная звезда», Гослитиздата, издательства «Советский писатель», Воениздата, Антифашистского комитета советских женщин, Литературного института, журнала «Знамя», Театрального училища имени Пушкина, Всероссийского театрального общества. От имени моряков Эренбурга горячо приветствовал Д. Кориненко. Дружеские, сердечные слова сказал китайский поэт Эми Сю, выразив в них чувства китайских писателей китайским читателям Эренбурга. Д. Заславский прочел дружеское поздравление редакционной коллегии и коллектива редакции «Правды». Стихи, посвященные И. Эренбургу, прочитал А. Безыменский. В этих приветствиях были раскрыты различные стороны многогранной творческой и общественной деятельности И. Эренбурга. В них говорилось о том, что и его разные памфлеты, написанные в дни войны и в дни мира, и его романы — плод работы многих лет — одинаково злободневны, одинаково принаследствуют большому искусству.

Николай Тихонов от имени Советского комитета защиты мира обратился с приветствием к Эренбургу как к одному из самых выдающихся, заслуженных и стойких борцов за мир во всем мире.

А вслед за этим была оглашена телеграмма, полученная из Парижа: «Дорогой друг! Секретариат Всемирного Совета Мира шлет Вам свои племянные пожелания в связи с Вашим шестидесятилетием. Выдающийся человек своей страны, крупный писатель на службе у справедливейшего из народов, Вы свойствуете различные стороны жизни и общественной деятельности И. Эренбурга. В них говорилось о том, что и его разные памфлеты, написанные в дни войны и в дни мира, и его романы — плод работы многих лет — одинаково злободневны, одинаково принаследствуют большому искусству.

Среди приветствий, оглашенных на вечере, — телеграммы писательских организаций Украины, Белоруссии, Таджикистана, Армении, Латвии, Молдавии, Банкокии, Чувашии, Сибири, других союзных и автономных республик, краев, областей, телеграммы редакций журналов и газет, а также многочисленные личные телеграммы друзей по перу, в том числе телеграмма Павла Тычинина, шестидесятилетие которого отмечалось в тот же день в Киссе.

Аппликации встречи зал телеграмму, присланную от имени коллектива московского завода «Компрессор»: «Большинство завода «Компрессор» поздравляет Вас в день Вашего шестидесятилетия и желает Вам личного здоровья, долгих лет жизни, успехов в литературной и общественной деятельности и в борьбе за мир. Заводы, библиотеки, читатели».

Такими же горячими симпатиями сопровождались была встреча и телеграмма, посланная коллективом пражского завода «Тесла»: «Желаем всего наилучшего ко дню Вашего рождения и завернем Вас, что в борьбе за мир во всем мире стоим плечо к плечу со всем советским народом».

Любовью и большим уважением к писателю проникнуты поздравления общественных деятелей и писателей Чехословакской народной республики: Владимира Кононенко, Зденека Новотны, Зденека Фирлингера, Яна Дрда, Михаила Хорваты, Марии

демократических общественных организаций, телеграммы Юлиана Тувима, Андрея Стиля, Жордина Амаду, Айора Монтеаго и других выдающихся литераторов — активных деятелей всемирного движения борьбы за мир.

В конце вечера с ответным словом выступил Илья Эренбург.

РЕЧЬ ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА

Я хочу от всей души поблагодарить вас, поблагодарить всех друзей, писателей и читателей за добре слово, за внимание и ласку. Что нужнее человеку, чем человеческое тепло? Но помогает дышать, птицы.

Может быть, мне следовало бы сейчас отложить назад, сказать хотя бы несколько слов прошлым путем, достаточное количество и достаточно путем. Но мне хочется думать не о том, что было, а о том, что будет, заглянуть вперед.

Библейский мудрец говорил: есть время собирать камни и есть время кидать камни. Он не предвидел того, что они люди могут собирать камни, а другие их кидать, что эпоха великого строительства может совпасть с эпохой невиданных разрушений. Я говорю не только о домах — о сознании, об искусстве, о всей совокупности культуры. Стоя на лесах, строитель думает не о врагах, он думает тех камнях, которые скрепляют трупом, мужеством, волей. Мы только недавно вытерпели страшную войну, спасли Европу отварварства, вот другие варвары грозят нам новой войной. Мы защищаем мир, как самое ценнее, ведь это это будущее — не только наше — всего мира. Четыре года войны... Кто из нас забыл о них? Как все советские люди, я делал тогда, что мог. Бывало так, что мне хотелось писать роман или стихи, — я писал другое, но ведь и строитель мостов, ставший офицером саперной части и взрывавший мосты, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуру. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отостояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и любовь поэта, по словам, «богеобразных членов», занятых только «устройством своего жилья» и лишенных подлинной духовной жизни. Они стояли теперь и размывают мосты, чтобы доломать вертолетами, не для того учился, не о том мечтал. Мы все отстояли Родину, человека, культуры. Мы знаем, что несут миру правители Америки. С лет назад мы уже разглядели Герцен, он обличал не только «американско-невольничество», но и

Стихи Сергея Смирнова

Когда открываешь книгу стихов Сергея Смирнова «О самом современном» — вступаешь в добный, ясный и радостный мир, в котором легко дышится и далеко видится. Там бывает после грозы, когда воздух прозрачен чист и природа выглядит свежей, полонющей будто только что смытой. Поэт сам написал такую картину:

Возникла радуга такая
На фоне туч и леска,
Что паровоз, вдруг мелькая,
Не удержался от смеха...

Со страниц этой книги встают светлые и нежные радостные картины жизни нашей Родины, ее необъятных полей, густых, кремичных и еще совсем молодых, только что посаженных лесов, старых зорер и свежевырытых водоемов.

Звонкие голоса людей, перекатный, вершинный шум леса, тихое, едва различимое гудение проводов мощных электролиний, раскатистый грохот трактора — все это сливалось в одну многоголосую симфонию жизни и труда.

С. Смирнов — поэт с отчетливо выраженным лирическим дарованием. Читая его стихи, мы всегда слышим голос автора — веселый, добродушный, иногда чуть насмешливый и зоркий, но всегда приветливый, доброжелательный к людям. Характерные названия его прежних сборников — «С добрым угром», «От первого лица».

В однокнижии из этих сборников мы находим стихотворение, которое многое объясняет в поэзии С. Смирнова. Оно называется «Наташа».

Тепло, сердечно, прикрывая щекой расторопность, поэт говорит, обращаясь к дочке, в бескрайних просторах Родины, о своем бесценном богатстве:

Понимашь
отец не имеет
в излишке,
Ни добра в сундуке,
Ни рублей на сберкнижке.
Но державу
на тысячи верст
протянем...

Он считает своим
Основным сбереженьем!

...Ты получаешь ее,
Как хозяйство хозяйки,
Как безбрежную даль
Острых речек чайки.

В этих стихах — живая частица того же большого и непокупно-чистого чувства, которое переполняло сердце Маяковского, когда он писал:

Мне
и рубля
не накопили строчки...

Радостное чувство свободы и независимости, ощущение огромного душевного богатства советского человека, свободного от мелких корыстей и стажательства, — вот что составляет подтекст произведений С. Смирнова.

Лиризм С. Смирнова не обволакивает образ распывчатой «дымякой», не растворяет четких и ясных отчертаний поэтического рисунка, но словно озаряет и согревает его. Мы находим в сборнике живые и точные портреты тружеников разных профессий. В этих поэтических зарисовках советские люди предстают перед нами в работе, в действии, они трудятся, не покидают, как бы не замечая, что о них знает речь.

Заведующая лесопитомником Татьяна Львовна — «хозяйственная женщина». Она словно сдружилась с молодыми деревенцами,

Сергей Смирнов. «О самом современном». Стихи. Редактор А. Жаров. «Советский писатель». 1950. 124 стр.

◆ 3. ПАПЕРНЫЙ ◆

относится к ним, как к своим «воспитанникам».

То с юностьюю возится,
То с липами подросшими:
Мол, как живется-можется,
Друзья мои хорошие?

Осенне ее «воспитанники» разъезжаются по широкой стеме, их увозят на машинах в сады, парки, на лесополосы.

Листья машут саженцы,
Слегка бортами сжатые.
Она с крыльца дощатого
Глядит, как провожаята.

И, просияв застенчиво,
Душой вослед уносится
Хозяйственная женщина —
Очки на переносице.

Немного, кажется, сказано о ней, а мы уже видим, уже живо представляем ее — эту застенчивую женщину, которая не просто любит природу, но и любовью переполнится, пересходит ее, вносит в ее жизнь, как в черновик, умные поправки.

А вот другой перспонал — председатель сельхоззатели. Поэт долго пишет этого леукогенного работника, который не привык сидеть в кабинете, но «сам доходит до всего».

Следуя за поэтом, мы идем на колхозную овцевферму, в сал, в гараж, настройку нового дома, и всюду слышатся одни и те же ответы:

— Наш хозяин где-то тут!

Так мы и не находим председателя, но, раз нузы не увидев его в лице, мы опускаем его присутствие, мы уже хорошо представляем себе этого беспокойного, жаждущего в труде человека.

Героиня стихотворения «Русалка» — девочка, которая явилась в дайков «со дна морского». Она родилась там, где ныне Рыбинское море. И эта «сморк оскрепленная пушка», голубоглазая девочка («все пруды и водосы тем очам отдали синеву») всюду создает пруды и водоемы, «фильтры Рыбинского моря».

С. Смирнов избегает общих слов и громких выражений. Он владеет искусством верной и выразительной детали, ясного, доходчивого образа.

Великий, или Тихий, как матрос,
Пронесся в неотглаженной тельняшке.
Он умеет найти точный эпитет:

...Ревут моторы,
стелется трава,
И вот вступает летчик-испытатель
Опять в свои высокие права...

Стремясь к поэтической конкретности, писатель в ранних своих стихах натуралистически воспроизводил мелочи быта. Этот серьезный недостаток значительной мере преодолен в сборнике «О самом современном».

В стихотворении «Мирные люди» С. Смирнов щедро востосоздает жизнь в ее повседневности, во многих будничных, на первый взгляд, мелких деталях.

Ясный чайник фыркает на плитке.
Нежит слух
настенный бой часов.
На столе — конверты и открытки
С пестротой обратных адресов.

Но здесь речь идет не о маленьких скверничих делаах, а о большой жизни страны, в которую включается и жизнь поэта:

Речь идет о нашем добром мире
С дыном домен,
С лепестком листьев,
С ежедневной «Правдою» в квартире
И спокойным
голосом Москвы.

В этом стихотворении за каждой «будничной» деталью скрыта большая мысль поэта о мире, как о залоге счастья советского человека.

И сердечно рад, как говорится,
Самым прозаическим вещам:
Что в бомбоубежищах столицы
Хорошо

лежится овощам...

Стихотворение «Мирные люди» говорит нам о том, что поэт — на верном пути. Образы и детали этого и других его последних произведений, не утратив поэтической конкретности, наполнены широким, ярким содержанием.

С. Смирнов любит юмор, часто шутит, каламбурит. Это у него — не от желания шеготать остротой ума, а от неизменно радостного восприятия мира:

Ночь. Температура нулевая.
Город все огни свою зажег.
Дворникам пошли не давая,
Неустранно падает снегок.
На глазах у милиционера
Снег

в грамвой садится на ходу...

Стихи, опубликованные в журнале «Знамя» (№ 7, 1950), говорят о том, что поэт властен и искусству острой политической сатиры.

Папа Пий беснуется,
в лапах
Держит крест и доллар золотой.
Чем земле иметь такого «папу».
Лучше стать ей
круглой сиротой!

Такого рода стихи у С. Смирнова пока немного. Хочется посоветовать ему уделить больше внимания жанру сатиры.

Еще одна особенность поэзии С. Смирнова — легкость, хорошая непринужденность его стиха. Слов в него свободно ссыпаются в строки и строфы. Пряятно читать такие стихи — морные, звучные, музыкальные.

Иногда звучание стиха совершенно слипается с интонацией простой разговорной речи. Живые голоса людей, веселые, лживые реплики — все это легко, просто, естественно укладывается в стих.

Стихи Сергея Смирнова искренние, словно открытые сердцу читателя, несущие живые приметы нашего времени, исполненные брызгущего всеми оптимизма, — одно из самых интересных явлений минувшего поэтического года.

Дм. Холендро. «Горы в цвету». Роман. Редактор П. Павленко. Крымиздат. 1950. 534 стр.

Александр КОРЕНЕВ,
участник предстоящего совещания
молодых писателей

Стоят они,
Один — в железной каске,
Второй — в зелено-шанке до бровей.
Оставил постаревших матерей,
Один — в Пекине,
А другой — в Небраске.

Два рядовых, два парня из народа,
Что родились в одном и том году,
Как тьма и свет.
Как рабство и свобода,
Столицей планеты на виду!

Один, чужие земли отнимая,
За плата подрядился на войну.
Другой —
По доброй воле из Китая
Пришел сражаться в братскую страну.

НА КРЫМСКОЙ ЗЕМЛЕ

◆ И. КАРАБУТЕНКО ◆

◆

История романа «Горы в цвету» — хороший пример того, как много может дать молодому писателю тщательное изучение жизни, упорная литературная работа, как важна для него вдумчивая творческая помощь мастера слова, какими являются ре-дактор книги П. Павленко.

◆

В группе крымчан Дмитрий Холендро был участником первого Всесоюзного совещания молодых писателей. Он привез краину первых глав романа: все, что в том времени было им написано. Кое-кто из участников творческого семинара увлекся тогда, узнав, что роман оказался новинкой, неожиданную для пынз тему в те дни, когда большинство молодых писателей было занято еще, главным образом, изображением только что окончившейся войны.

◆

По ничего удивительного в этом, конечно, не было. Тему молодому писателю подсказала сама жизнь. Продолжаясь вместе с частями «Оддельной Приморской армии» по Южному берегу Крыма. Дм. Холендро видел, как сразу же после изгнания врага началась большая восстановительная и воспитательная работа под руководством коммунистов, как преобразовали трущобы, добивались первых успехов новых жителей Крыма — переселенцы с Кубани и из других уголков страны. Это вдохновило его на большее произведение.

◆

Пачально романа было, правда, весьма несовершенными: складывалось и недостаточное знание жизни послевоенного Крыма и отсутствие писательского опыта. Но все это указывали участники обсуждения. Но все критики отмечали, что молодой писатель верно почувствовал и написал в своем произведении самое главное — огромную живительную силу коллектива, сплотившего и воспитанного партией Ленина — Сталина.

◆

Все эти годы Дм. Холендро упорно работал над своим романом. Молодой писатель много времени проводил в колхозах Крыма, глубоко вникая в их жизнь. Большой школой для него была творческая секретаря в колхозе.

◆

Эпиграфом к роману «Горы в цвету» можно было бы поставить слова И. В. Степанова: «Умение действовать коллективно, готовность подчинять волю отдельных творческих волей коллектива, это именно и называется у нас настоящим большевистским мужеством. Потому, что без такого мужества, без умения преодолеть, если хотите, свое самодовольство и подчинить свою волю воле коллектива, — без этих качеств — нет коллектива, нет коллектического руководства, нет коммунизма».

◆

Все эти годы Дм. Холендро упорно работал над своим романом. Молодой писатель со стороны секретаря райкома Стрельникова. Руководящая мыслью во всей деятельности Стрельникова была мысль о том, что прочность колхозных успехов зависит от работы с людьми, от партийной работы. Он помог Верейко найти ключ к сердцам людей, окрылил молодого партнера, терпеливо учил ее и занималась с ней.

◆

В частных встречах с людьми Стрельникова обрисовал автором жизни, убедительно и разносторонне. Вот он на горном склоне показывает колхозникам, как надо обрезать виноградную лозу. И Марфа Шталько спрашивает потом про него:

— Из агронома он, что ли?

◆

Секретарь райкома — ответила Верейко.

◆

Все должен уметь.

◆

Растет Верейко, — растут люди вокруг нее. В дни учебы на агротехнических курсах Степан Ильич получает много писем из своего колхоза. Эти письма как бы подводят итог проделанной работы. В полуразрушенном селе с запущенными садами и виноградниками приехали первые люди из Золотой Балки, чтобы увидеть, как на колхозе раскрыли скрытые таланты. Их приветствуют колхозники и рабочие, а также ученики из Золотой Балки. Аланея возглавляет колхозный партнёр. Растет Верейко, — откладывает ее на колхозную рабочую скамейку, чтобы она могла сидеть и наблюдать за всеми, кто работает, — и вспоминает о том, что ее колхозники, которые не знали ее, не хотели ее видеть.

◆

Все это видно.

◆

Многие хороши знакомы с курортами Крыма и плохо знают другой «ущельный Крым», где по берегам горных речек раскинулись сады и села. Заслуга Дм. Холендро заключается в том, что он создал поэтический образ этого будничного, трудового Крыма. Этот образ дополняется яркими, своеобразными картинами крымской природы.

◆

Чист и поэтичен язык романа. В нем много скажанных сравнений, пословиц, метафор. Но иногда чувство меры изменяет писателя, и тогда появляются повторяющиеся красавицы: «невообразимые листья» и «невообразимо перепутанные кусты», «струны его детства». У многих героев поэтический образ этого будничного, трудового Крыма. Этот образ дополняется яркими, своеобразными картинами крымской природы.

◆

Чист и поэтичен язык романа. В нем много скажанных сравнений, пословиц, метафор. Но иногда чувство меры изменяет писателя, и тогда появляются повторяющиеся красавицы: «невообразимые листья» и «невообразимо перепутанные кусты», «струны его детства». У многих героев поэтический образ этого будничного, трудового Крыма. Этот образ дополняется яркими, своеобразными картинами крымской природы.

◆

Возможно, «позволяющая поэту-сатирику

воздвигнуть саркастическую хвалу мерзостям жизни, и в свойствах смеха поэта, обустроившую разоблачительный пафос, подчеркивающую уродство буржуазного строя. Одновременно В. Перцов показывает, как поэт продолжал и развивал традиции революционеров-демократов, как он решительно противостоял так называемым

П. КРАЙНОВ

Обзор военных действий в Корее

80 километров отделяют позиции частей Народной армии от Тэгу, — это признается в специальном коммюнике штаба американской 8-й армии, опубликованном 28 января. Как известно, Тэгу является важным стратегическим пунктом в юго-восточной части Корейского полуострова. Через Тэгу идет главный путь снабжения войск интервентов из Пусана — крупного корейского морского порта, захваченного американским агрессором.

Бои на этом направлении проходят сейчас в отрогах гор, 20 километрах к югу от Тангиана. Цепляясь за горную местность, части 8-й американской армии предпринимают контратаки против позиций Народной армии. Как указывается в сообщениях иностранных корреспондентов, некоторые пункты по несколько раз переходят из рук в руки. Но все попытки интервентов улучшить свое положение, несмотря на огромные потери, которые они несут при этом, срываются успешными боевыми действиями частей Народной армии и китайских добровольцев. Плацдарм Народной армии в этом районе, расположенный в излучине реки Хантан, прочно удерживается защитниками Кореи.

Активные боевые действия ведутся также на западном участке фронта. По данным корреспондента агентства Рейтер, здесь действуют части 2-го и 9-го корпусов 8-й американской армии. Контратаки войск интервентов в этом районе поддерживаются большим количеством авиации и военных кораблей, курсирующими вдоль западного побережья. Однако эти контратаки не дают сколько-либо существенных результатов. По последним сообщениям гамбургского радио, Народная армия перешла здесь в контрнаступление.

Стремясь поднять боевой дух потерпевших американских войск, генерал Макартур вновь посетил район боевых действий на западном участке корейского фронта. Он выступил здесь с отчужденным заявлением о «высокой миссии» США на Дальнем Востоке. «Ставка, за которую мы боремся в настоящее время, — это больше, чем Корея», — заявил Макартур, не скрывая захватнических целей империалистов США по отношению ко всей Азии.

Помимо попыток поднять дух своих войск, Макартур привбегает к новым переговорам среди командования интервениционистских частей в Корее. Так, бригадный генерал Брайан заменил командующего 24-й американской пехотной дивизии генерала Чарча, а на место командующего 7-й пехотной дивизии генерал-майора Барра назначен бригадный генерал Фернандо.

Однако и личный приезд Макартура и смена командующих мало помогают американским солдатам, которые думают только об одном — как бы скорее вырваться из ада корейской войны. Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Стивенс сообщает, что дисциплина среди американских солдат в Корее все более и более расшатывается. Он указывает далее, что, по данным Пентагона (военное министерство США), американцы потеряли в Корее только обмороженными 20—25 тысяч солдат.

Сам Макартур, несмотря на свое заявление, не очень налестился на американские части, находящиеся в Корее. Как передает виноградинский корреспондент агентства Телепресс, Макартур направил Труману письмо, в котором грозится уйти в отставку, если не получит новых воинских полковников. Министр обороны Маршалл и объединенная группа начальников штабов США, сообщает корреспондент, разрабатывают срочные меры мероприятий для «расширения военных усилий в Корее».

Но какие бы пожарные меры ни вырабатывались в Пентагоне, американским интервентам не уйти от поражения. Это все яснее начинают понимать американские солдаты, среди которых приобретает популярность девиз: «Вперед к Пусану!»

Поджигатели откровенничают...

Саморазоблачительная карикатура на страницах «Таймс геральд»

Орган республиканской партии в Вашингтоне газета «Таймс геральд» — рупор наиболее империалистических кругов США. Это она в 1949 году призвала американское правительство послать против СССР «самолеты на высоте 40 тысяч футов с грузом атомных, зажигательных и бактериологических бомб и тринитротолуола, чтобы умертвить младенцев в колыбельях, старух за молитвами и тружеников за работой». Это она призывала и призывает к немедленной войне против СССР и Китая.

Не так давно эта газета, сама, может быть, того не желая, проговорилась о том, какие замыслы лелеяли правящие круги США, когда начинали свою кровавую авантюру в Корее. Маньчжурии — вот лакомый кусочек, о котором во сне и наяву мечтают виноградинские гангстеры, проводники «двуихрального курса» американской внешней политики.

Когда Труман начал свою агрессию в Корее, «Таймс геральд» горячего поддерживал. Она прославляла «подвиги» мордников из Оклендов и Техаса, восхваляла военным «гением» Макартура. В ноябре вместе с Макартуром она собиралась уже торжествовать победу — американские войска приближались к китайской границе, к Маньчжурии.

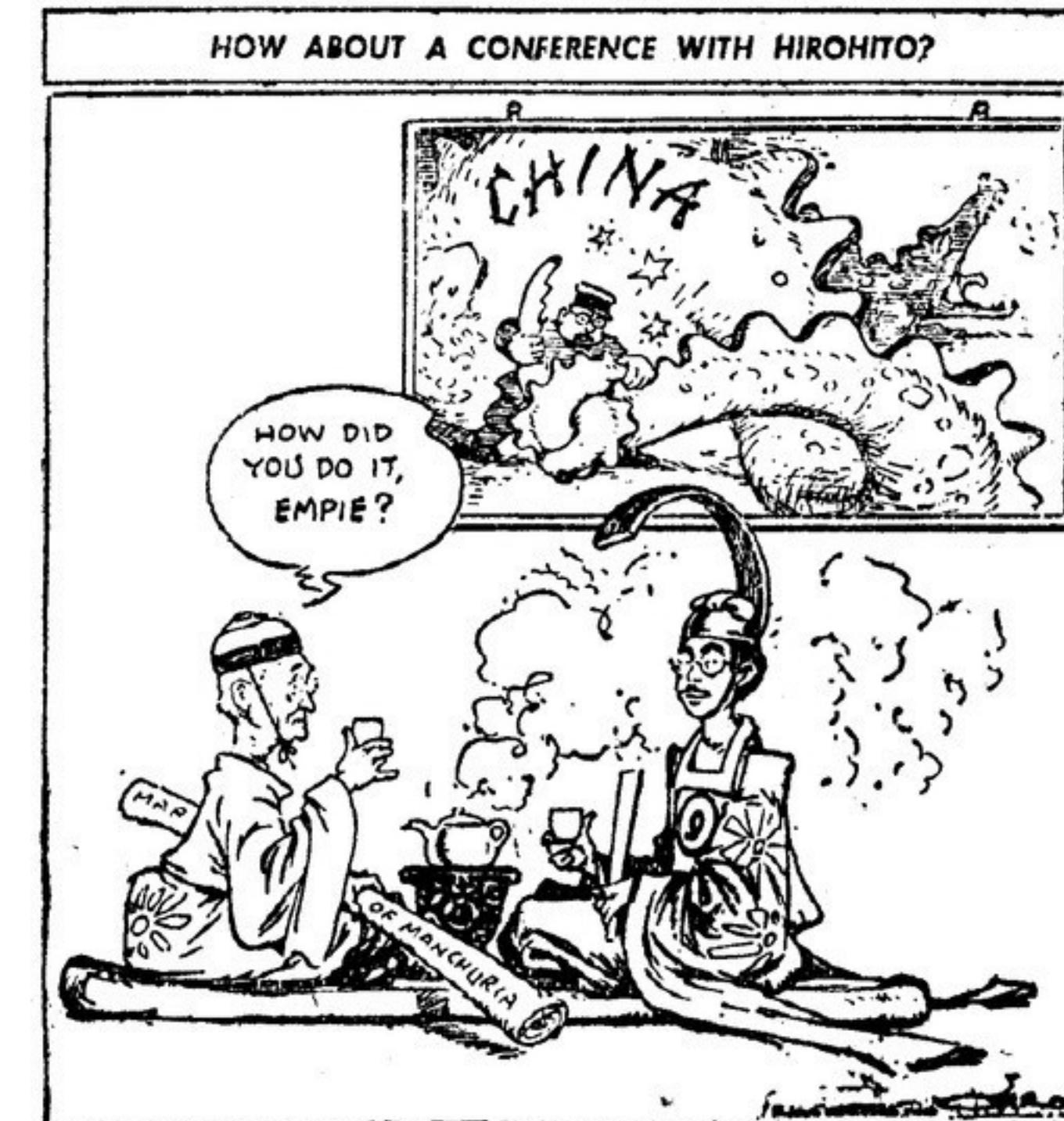
«Союзники, не естества спротивления, стремительно движутся к Ялу», — была лягушка «Таймс геральд» 25 ноября 1950 года...

Но китайские добровольцы предотвратили угрозу порабощения Маньчжурии, и пришла на помощь германскому корейскому народу, помогли изгнать американцев из Ханькона и из Сеула. Армия Корейской народно-демократической республики вместе с китайскими добровольцами гонит Маньчжурию и Монголию; чтобы покорить Корею и Тайвань.

«Невинная» карикатура из «Таймс геральд» в действительности поведала о самых сокровенных планах американских империалистов. Она показывает, какие безумные мысли бродили в головах у зарвавшихся поджигателей войны, когда в июне прошлого года они затеяли интервенцию в Корее. Их аппетиты простирались гораздо дальше Северной Кореи. Маньчжурский поход Хирохито в 1931 году не давал, да и теперь, повидимому, не даст покоя американским «самураям».

Но китайский народ в 1950 году уже не тот, каким он был в 1931-м. Не мешает об этом помнить и Труману и бородатым письмам ведакции «Таймс геральд» — тем, кто рекомендует президенту США обратиться за консультацией к Хирохито.

«Таймс геральд» разочарована. Она обрушивается на президента Трумана, обвиняя его в том, что он не сумел довести до

«HOW ABOUT A CONFERENCE WITH HIROHITO?

CHINA

HOW DID YOU DO IT, EMPIRE?

мена Савельевича Максименко, они были несколько удивлены:

— Тяжелый груз, — заметил один из них.

Да, это был тяжелый, но драгоценный для нас груз — инструменты системы самого Максименко: кельма, сомневающаяся в себе мастерок и молоток, соколки и скобы-шнуроводители.

Весь этот инструмент следовал за нами. Мы взяли его в Чепель, Лунацентль и Пештгентлерни, всюду, где демонстрировалось поточное-кольцевой метод кирпичной кладки Максименко. Венгерские строители встречали нас радушно, с песнями и возгласами в честь Советского Союза, в честь великого Сталина.

На всю жизнь запомнился нам село Лунацентль. Пройдет несколько лет, и это рано не приметное глухое село на Дуне превратится в центр металлической промышленности республики.

«Венгерской Магниткой» называют каменщики строившийся Лунацкий металлургический комбинат. Здесь уже заложен новый социалистический город, где рабочие будут пользоваться всеми совершенными удобствами городской жизни. Будущие каменщики, доменщики, коксовары еще обучаются на курсах, а в Лунацентле уже строятся для них четырехэтажные дома, клубы, столовые, школы и ясли для детей.

В дни нашего пребывания в Лунацентле была открыта своеобразная школа стахановской кладки Семена Максименко. Здесь у него, у Никиты Кобы и у Михаила Зуева проходили курсы обучения не только каменщики «Венгерской Магнитки», но и строители других заводов и фабрик. О наших каменщиках газета «Савельевская» писала, что «их руки движутся так, как руки художников». Около ста

Мы приехали в Венгрию не с пустыми руками. Когда на будапештском вокзале носильщик взял в руки баул Савельевской

«МЫ НЕ ДОПУСТИМ ВОЗРОЖДЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ВЕРМАХТА!»

Франция протестует против ремилитаризации Западной Германии

CONSULTATION NATIONALE

Le parlement de l'Allemagne, auquel le gouvernement consent, agrave considérablement les dangers de guerre et menace la sécurité de la France.
Tous les Français ont le droit et le devoir de se prononcer.

JE M'OPPOSE AU REARMEMENT DE L'ALLEMAGNE

Signatures : *Georges Longus*
Georges Blum
Jeanne D'arc
Auguste Blaauw
Alberte Hirsch
Yvonne Gauvin

(Paris) : *Gaston Dieudonné (Gauvin)*
Organisé à Paris le 22/12/1950
par le Comité national contre le réarmement de l'Allemagne
et pour la paix dans le monde
et pour empêcher la réapparition du nazisme et du fascisme
et pour empêcher la réapparition du nazisme et du fascisme

23 декабря по инициативе организации «Борцы за мир и свободу» во Франции началось всенародное голосование против американских планов ремилитаризации Западной Германии. Кампания по сбору подписей под бюллетенями протеста приняла широкий размах. Трудящиеся Франции, подписание бюллетеней, организуют митинги и демонстрации против возрождения агрессивной немецкой армии, которая будет состоять из служб у монополий США.

Слишком много французов погибло от немецких пуль, на эсэсовской катарте. Слишком много воспоминаний об Орадуре, о плоскогорье Гиер, о концлагере Бухенвальде, Освенциме, Маутхаузене.

Мы, простые люди Франции, непосредственно пострадавшие от войны, потерявшие близких, не можем примириться с мыслью о восстановлении немецкой армии. Мы не можем допустить, чтобы наши мужчины и сыновья маршировали бок о бок и под командой немецких палачей...

Жорж Корвет, подписавший бюллетень от имени всех членов своей семьи, объяснил, почему он это сделал.

В примечании к бюллетеню он пишет:

«Я провел 16 месяцев в лагере Маутхаузен, вернулся оттуда калекой, страдающим инвалидом... Мои дети видели, в каком состоянии я возвращался домой. Они так же, как и я, не хотят вооружения Германии и решили всеми силами бороться, чтобы воспрепятствовать возрождению немецкого милитаризма.

Французские женщины, в памяти которых еще свежи ужасы кровавых войн, перенесенных их родиной, принимают особенно активное участие в движении протеста против ремилитаризации Германии. Они не только подписывают бюллетени, но и собирают подписи под обращениями, текст которых передко составляют сами. Так, например, вдовы ветеранов первой мировой войны Рейнгольд (Париж, ул. Эрмель, д. 17) написала обращение, в котором говорится:

«Вы помните, как шесть лет тому назад немецкие солдаты маршировали по

на втором снимке слева вы видите, как домашняя хозяйка знакомится с текстом бюллетеня. Сборщик подписей, обратившись к ней, она сказала: «Попишите протест против вооружения Германии? Да обеими руками! Только вы она не возвращались сюда!»

Простые люди Франции — горячие департамента Пал-де-Кале и горячие автомобилестроителей, студенты большинства университетов страны и рабочие военной промышленности в Роанне, докеры порта Сет и труда-

головы Рейнгольд (Париж, ул. Эрмель, д. 17) написала обращение, в котором говорится:

«Вы помните, как шесть лет тому назад немецкие солдаты маршировали по

Коммунистическая партия Франции выпустила плакат, призывающий французский народ сплотиться в борьбе против милитаризации Германии. Вот этот плакат: широко расставлен ноги, развязно стоят немецкий солдат. Вдруг виднеются обвязанные пламенем строения и оставшиеся без крова люди.

Надпись над плакатом гласит: «Долой вооружение Германии! Объединимся против предателей, которые соглашаются на это. Защитим Францию! Защитим мир!»

Недавно газета «Се суар» опубликовала письмо местного Совета мира парижского пригорода Иви-на-Сене, адресованное всем гражданам, подписавшим Стокгольмское Воззвание.

«Подпись Стокгольмского Воззвания, говорится в письме, вы помните уже однажды спасли мир. Благодаря вам, благодаря 500 миллионам людей, которые, как и вы, подписали это Воззвание, атомная бомба не была применена.

Сегодня поджигатели войны рассчитывают на армию Запад-

боявою Алановой и тем, сколько она сейчас обслуживает станков. Это было не праздное любопытство, не вопросы ради вопросов. Каждый из названных советских людей имеет в Венгрии своих последователей, своих учеников.

Мы пробыли в Венгрии 75 дней вместо предполагавшихся 45 дней: нас задержали гостеприимные хозяева.

Венгрия наша отголосок, еще задолго до отхода поезда, на первом этапе собирается парадом. Приехали каменщики из Чепеля, пришли рабочие городских строек, работники министерства.

— Видать, большие чини уезжают, что их столько народу провожают? — спросил пожилой сухощавый старичок у своей постолицы. — Их стоянка, где они сидят, — это память о прошлом, о героях, которые сражались за свободу Венгрии.

Партия венгерской рабочей молодежи, предложившая открытие памятника на месте бывшего концлагеря Бухенвальде, — это память о прошлом, о героях, которые сражались за свободу Венгрии.

...Позже мельчали отходы от пароходов: Перед нами проплыли монумент из гранита и бронзы. Фигура женщины с пальмовой ветвью мира. У подножия монумента всплыла бронзовая фигура мужественного воина-освободителя, принесшего в дарину Дунай свободу, мир, счастье.

«Освободители — советским героям от благодарного венгерского народа». — Гласит надпись на этом памятнике, олицетворяющем торжество советско-венгерской дружбы — дружбы вечной и нерушимой.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

Строительство в Венгерской республике вышло из рамок сезоны — оно ведется теперь круглый год. Египет всплыл

Адрес редакции и издательства: Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгавета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; отделы: литературы и искусства — К 4-02-29, международной жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, информации — К 4-03-48, К 4-03-66, издательство — К 4-11-68. Коммутатор К 5-00-00.